

ОТЗЫВ

официального оппонента

доктора исторических наук Ирины Борисовны Беловой, профессора кафедры истории Института истории и права ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

на диссертацию Артема Олеговича Багдасаряна «Государственные проекты и практики организации системы Гражданской обороны России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)», представленную на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности
07.00.02 – Отечественная история

Серьезный кризис международных отношений, переживаемый в настоящее время мировым сообществом, резко актуализировал целый комплекс проблем, сопутствующих вооружённым конфликтам. В их числе проблемы, связанные с государственными мероприятиями по подготовке к защите и защите населения, материальных и культурных ценностей от опасностей, возникающих при ведении военных действий и вследствие этих действий. Исследование опыта, накопленного в этой сфере еще в годы Первой мировой войны – первой тотальной войны в истории человечества, является, безусловно, актуальным.

Научная актуальность заявленной диссертантом темы определяется тем, что представленная работа стала первым в отечественной историографии исследованием, посвященным выявлению и обоснованию государственных проектов и практик организации гражданской обороны России в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Вполне очевидно теоретическое и практическое значение такой работы, включая и возможность использования её результатов в качестве основы для последующих научных изысканий.

Во введении автором раскрывается актуальность постановки проблемы исследования, четко формулируется объект и предмет представленной работы. Целью исследования диссертант определил «выявление факторов становления системы гражданской обороны России и обоснование государственных проектов и практик по ее организации в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» (С. 35). Исходя из цели были выделены шесть исследовательских задач (С. 36), в число которых не вошел вопрос о научно-технических предпосылках мероприятий гражданской обороны, хотя автор вынес этот вопрос на защиту (С. 67–68).

В историографическом разделе (С. 6–35) автором представлен широкий круг научно-исследовательских работ и учебных пособий по гражданской обороне, так или иначе затрагивающих отдельные стороны его диссертации. Комплексных трудов по сформулированной А.О. Багдасаряном теме в историографии нет.

Автор отмечает, что историография российской системы гражданской обороны начала складываться в 60-е гг. XX в., он делит её на советскую и современную (С. 7). Между тем следует отметить, что ещё современники событий Первой мировой войны положили начало осмыслению вопросов защиты войск и гражданского населения от ядовитых газов, воздушных бомбардировок и преодоления других негативных явлений тотальной войны. Не случайно диссертант в основной части своего исследования использует материалы и активно ссылается на работы И.Г. Корица 1916 года издания (С. 195, 199, 208, 210, 211, 212, 231, 232), В.К. Аркадьева 1917 г. (С. 197, 210, 212, 213, 224, 230, 232), А.М. Атабеяна 1918 г. (С. 351), В.Н. Ипатьева 1920, 1921, 1925 гг. (С. 192, 197, 226, 228, 229, 377), В.А. Антонова-Овсеенко 1924 г. (С. 336), К.Е. Вейгелина 1924 г. (С. 120, 122), Е.Ф. Бурче 1925, 1935 г. (С. 121, 127, 380), А. Сыромятникова 1925 г. (С. 125), Н. Бородачева 1929 г. (С. 375), Б.Н. Иванова 1930

г. (С. 120, 127, 149–152), Н.И. Спирина 1931, 1933 г. (С. 121, 380, 383), А.Н. Де-Лазари 1935 г. (С. 118, 188, 223), Н.А. Фигуровского 1942 г. (С. 201, 213) и др. При этом ни в историографическом, ни в источниковедческом разделах данного исследования эти работы не рассматриваются. Представляется, что историографический раздел логично было бы структурировать на основе проблемно-хронологического подхода к анализу имеющейся литературы, разделив ее, например, на 6 основных групп по числу задач / глав диссертации.

Диссертант справедливо отмечает, что «в трудах советских учёных по эвакуации отечественной промышленности в годы Первой мировой войны прослеживается идеологическая направленность» (С. 25). Из современных исследований автор отметил монографию А.А. Мелия «Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР» (М, 2004), в которой «отдельным параграфом представлен исторический опыт проведения эвакуации в годы Первой мировой войны» (С. 27). Можно добавить, что в указанной монографии её автор отмечает значительный объём эвакуационных перевозок в 1915 г., о чём свидетельствуют архивные документы.

Хронологические рамки исследования возражений не вызывают. Нижней хронологической границей является начало Первой мировой войны в июле 1914 г., верхней – март 1918 г., когда большевистское правительство, подписав сепаратный Брест-Литовский мирный договор, вывело Россию, уже Советскую, из дальнейшего участия в войне.

Территориальные рамки работы ограничены автором территориями Северного, Западного, Юго-Западного фронтов в период 1914–1918 гг. и ряда российских регионов, оказавшихся в зоне ведения боевых действий или досягаемости военной авиации. По поводу 1918 г. можно отметить, что, как известно, после подписания соглашения о перемирии 9 декабря 1917 г. весь Восточный фронт превратился в арену братаний и массового дезертирства. В результате около половины действующей армии было демобилизовано еще до подписания Брестского мира.

Следует отметить, что параграфы 6.2 «Защита населения и объектов тыла во Франции» (С. 384–406) и 6.3 «Опыт организации гражданской обороны в Великобритании» (С. 406–431) никак не вписываются в очерченные автором территориальные рамки его работы.

Во введении определен также понятийно-категориальный аппарат исследования (С. 47–48).

Источниковая база работы свидетельствует о том, что автором в процессе исследования был изучен обширный фактический материал, который в итоге был разделен на 7 групп (С. 48). Степень анализа привлеченных материалов оказалась различной. Автором привлечены как опубликованные, так и неопубликованные источники из архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга (С. 54–56), относящиеся к проблематике диссертации, показана их исследовательская ценность.

Диссертант использует периодическую печать, справедливо отмечая, что она была одним из основных средств информирования населения. Однако здесь, на наш взгляд, требуется пояснение автора относительно того, какие же именно газеты и журналы периода 1914–1918 г. были отобраны и по какому принципу?

Вызывает вопросы характеристика пятой группы источников, куда диссертант отнес воспоминания «представителей государственного и военного истеблишмента Российской Империи и европейских государств рубежа XIX–XX вв.» – Б.Э. Нольде, М.А. Таубе, В.Н. Эдлера фон Ренненкампа, С.Д. Сазонова, Э. Людендорфа и др. (С. 59); дневники участников Первой мировой – Э. Степлтона, Ж. Легра, П. Паскаля, А.

Хоппа и Н. Мусратова (С. 61); воспоминания участников войны, «в которых оказались запечатлены сведения об эвакуации и проблема беженства» (С. 62) – воспоминания генералов П.Г. Курлова, А.П. Залюбовского, И.В. Гурко, А.С. Ронжина и мемуары Особоуполномоченного по устройству беженцев Е.А. Никольского. Во-первых, требуется пояснение диссертанта относительно принципа отбора тех или иных дневников участников войны (причем преимущественно иностранцев; во-вторых, в основном тексте диссертации автор активно использует воспоминания генералов Д.П. Парского (С. 336), М.Д. Бонч-Бруевича (С. 333), Н.Н. Головина (С. 314), А.С. Лукомского (С. 313), В.Н. Ипатьева (С. 127, 377), капитана 2 ранга Г.К. Графа (С. 318), контр-адмирала С.Н. Тимирева (С. 169), сестры милосердия Х.Т. Сёминой (С. 202), философов Н.А. Бердяева (С. 86) и С.Е. Трубецкого (С. 152), политика А.Ф. Керенского (С. 320), поэтессы З.Н. Гиппиус (С. 96, 340), чиновника переселенческого управления МВД В.Ф. Романова (С. 96–97), которые почему-то оказались не упомянутыми и не проанализированными в источниковедческом разделе.

Во введении автором также обозначена методологическая база исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, апробация результатов и структура работы, состоящей из введения, шести глав, разделённых на параграфы, заключения, списка источников и литературы и 17 приложений, поясняющих и иллюстрирующих основной текст диссертации.

В первой главе «Социокультурные предпосылки организации мероприятий гражданской обороны в годы Первой мировой войны», состоящей из двух параграфов, диссертант стремится выяснить вопросы «глубинных причин» Первой мировой войны, которые, с его точки зрения, «лежат в социокультурной и социально-психологической плоскости» (С. 77); выделяет существенные факторы формирования концепта «война» в массовом сознании рубежа XIX–XX вв. (С. 89).

В параграфе 1.1. «Концепт «война» в представлениях европейской интеллектуальной элиты второй половины XIX–начала XX вв.» автор приходит к выводу, что к началу XX в. в общественном сознании населения Европы происходит формирование устойчивых представлений о войне как о наиболее эффективном средстве подавления противника, вплоть до его полного уничтожения, с применением всего арсенала технических средств, изобретённых в условиях современной цивилизации (С. 97).

Одним из средств целенаправленного воздействия на население противника, констатирует автор в параграфе 1.2. «Население и тыл как объект боевых действий в теории и практике «тотальной войны», стал военный воздушный флот, эффективно применявшийся и до Первой мировой войны для бомбардировки тыловых городов противника (С. 104–117). В ответ на расширение масштабов бомбардировочных операций в период Первой мировой войны стала создаваться противовоздушная оборона, которая уже тогда начала подразделяться на активную и пассивную (С. 117).

Далее диссертант переходит к теме химического оружия, отмечая, что боевые отравляющие вещества были известны еще до начала Первой мировой войны, они были запрещены Гаагской конвенцией 1907 г. (С. 117–121). После окончания Первой мировой войны стали разрабатываться военные теории, где ведущая роль отводилась проведению массированных бомбардировочных операций против мирного населения и тыловых объектов противника с применением химических авиабомб (С. 122–125). Завершая параграф, автор перечисляет созданные в 30-е гг. XX в. государственные системы гражданской обороны в разных государствах (С. 125–127).

Хотелось бы всё-таки услышать от диссертанта (хотя бы на защите его работы) кратко и чётко сформулированные социокультурные предпосылки организации мероприятий гражданской обороны в годы Первой мировой войны.

Во второй главе «Государственные мероприятия по защите населения и объектов тыла от воздушного нападения» диссертантом в двух параграфах рассматривается деятельность военного ведомства и местных органов власти по организации противовоздушной защиты населения и крупных административных центров на территориях, оказавшихся в зоне боевых действий; организация местной противовоздушной обороны в тыловых районах на примере Петроградской губернии и губерний Одесского Военного округа (далее – ВО).

Диссертант указывает, что с первых месяцев войны германская армия активно применяла авиацию, включая проведение бомбардировок важных промышленных, административных, а также тыловых городов Российской империи (С. 130). В этих условиях русским военным командованием были приняты меры к организации воздушной обороны городов Привислинского, Литовско-Белорусского и Прибалтийского краёв и одновременная защита мирного населения от последствий бомбардировок (С. 136, 167). Автор на протяжении всей главы показывает, что основными способами защиты населения и городских объектов стали оповещение и инструктирование людей, объявление воздушной тревоги, условные сигналы о необходимости затемнения, использование светомаскировки, которая постоянно совершенствовалась, укрытие в домах, погребах, блиндажах и пр., обнаружение и уничтожение неразорвавшихся бомб, разработка правил для санитарных и пожарных служб. За невыполнение мероприятий светомаскировки грозило применение административных мер, в диссертации приводятся имевшие место случаи наказания нерадивых граждан (С. 158–161), ответственность за порядок затемнения города была возложена на полицию, а прекращение светомаскировки осуществлялось только по разрешению военного командования (С. 167).

Автор подробно описывает бомбардировки различных приграничных населённых пунктов и железнодорожных станций. Отмечается, что за 9 месяцев боёв на городские объекты и жилые дома Варшавы упало более 100 бомб (С. 134, 135, 137–138). В г. Ломже, несмотря на принятые постановления о защите населения от воздушного нападения в конце марта 1915 г., и в апреле, и в последующие месяцы число жертв от бомбардировок среди мирного населения только росло (С. 140–141). С весны 1915 г. производились постоянные воздушные налёты на Белосток, люди бежали вглубь страны (С. 146). До самой сдачи западных российских окраин в конце лета 1915 г. бомбардировки только нарастали. Диссертант приводит свидетельство участника событий (командира зенитной батареи) о том, что в России не велось никакой маскировки, кроме световой (тушение освещения) по общему сигналу и отсутствовало применение дымовых завес, ложных городов или искусственно расположенных огней по причине слабой инициативы высшего военного руководства в вопросах воздушной обороны (С. 149). Автор отмечает, что должность руководителя воздушной обороны ряда крупных административных центров и районов являлась нештатной, занималась по совместительству артиллеристами или инженерами (С. 153). В диссертации приведено свидетельство современников событий о том, что налёты германских самолётов на Ригу с августа 1915 по август 1917 г. «сделались обычным явлением». Бомбардировки являлись причиной гибели людей и разрушений (С. 154–155).

Вместе с тем, автор приходит к выводу, что «защита населения городов от воздушных нападений в виде светомаскировки, сопровождаемой оперативным

оповещением о воздушных акциях противника, в конечном итоге способствовала существенному снижению потерь от воздушных нападений» (С. 168). На наш взгляд, с учётом того, что «в конечном итоге» частота и интенсивность воздушных налётов в Западном регионе и Прибалтике возрастала, что «не велось никакой маскировки, кроме световой», а население бежало в восточном направлении, при этом подвергалось бомбардировкам и гибло, вывод диссертанта о «существенном снижении потерь от воздушных нападений» выглядит неубедительно и нуждается в серьёзном обосновании.

А.О. Багдасарян делает также вывод о том, что «проблемы, выдвинутые войной, невозможно было решить только государственными средствами, потребовалась частная и общественная инициатива. В помощь властным структурам выступили общественные организации, такие как организации Красного Креста, Земгора, Центрального обывательского комитета и т.п.» (С. 186). Однако о деятельности Земгора и Центрального обывательского комитета ни в одном параграфе второй главы не приведено ни одного примера. Есть только один пример о деятельности добровольцев-санитаров местной дружины Красного Креста г. Белостока в апреле 1917 г. (С. 148). Кстати, диссертант почему-то даёт в тексте усечённое название организации: «Центральный обывательский комитет», вместо реального исторического названия: «Центральный обывательский комитет по устройству беженцев Царства Польского».

В параграфе 2.2. диссертантом отмечается, что воздушное наблюдение на дальних рубежах Петрограда (200–300 км.) находилось в ведении Министерства внутренних дел, а первая инструкция по организации воздушной обороны столицы и ее окрестностей была введена в декабре 1914 г. (С. 170, 171). Основным направлением противодействия воздушному флоту неприятеля стало создание зенитной артиллерии, авиационных истребительных формирований. Предполагалось организовать три авиационных отряда, а также службу наблюдения и оповещения (С. 172).

Автор рассматривает начавшуюся в 1915 г. разработку пассивных мероприятий противодействия немецкой авиации по защите жителей Петрограда от бомбардировок (оповещение, светомаскировка, доведение правил поведения при налётах, борьба с пожарами и оказание медпомощи), которые стали основными направлениями по сохранению жизни граждан (С. 172). 8 мая (25 апреля) 1915 г. был сформирован штаб воздушной обороны. И хотя диссертант отмечает, что воздушных налётов на Петроград не было, но были 3 неудачные по метеоусловиям попытки (декабрь 1916 – март 1917 г.) (С. 180).

Далее автор переходит к описанию положения дел в Одесском ВО, реальная угроза которому исходила от кораблей противника. В конце октября 1914 г. турецкие корабли обстреляли Севастополь (2 убитых, 8 раненых) (С. 180), а также Феодосию и Новороссийск, где среди горожан началась паника и массовое бегство, и почти половина жителей Новороссийска (40 тыс. чел.) его покинула (С. 182). 10 ноября 1914 г. градоначальник Севастополя довёл до горожан правила поведения при обстреле города (сохранять спокойствия и порядок, не покидать дома). Автор высказывает предположение, что профилактические меры, проводимые в Одессе и Севастополе, имели место и в остальных причерноморских городах Одесского ВО (С. 183). С февраля 1916 г. окружным командованием стала проводиться работа по организации воздушной обороны городов в Одесском ВО, жителям рекомендовалось сохранять спокойствие и не допускать массовые скопления на улицах (С. 184).

В выводе по **параграфу 2.2.** говорится, что в Царском Селе были апробированы и внедрены зенитная артиллерия, авиационные истребительные формирования (С. 185). Автор отмечает, что конструируемая в городах Одесского ВО модель гражданской обороны, по сути, воспроизводила опыт столичного региона (Петрограда), что «приводило к позитивным результатам и существенно увеличивало эффективность противовоздушных мер безопасности для объектов промышленности и населения» (С. 185).

Следует отметить, что вывод об апробации и внедрении в Царском Селе против авиации противника зенитной артиллерии, авиационных истребительных формирований автор не сопроводил достаточной доказательной базой: в тексте параграфа имеется лишь одно предложение на С. 172 о том, что для прикрытия воздушного пространства над городом «необходимо было организовать три авиационных отряда: Кронштадтский, Петроградский и Чудской».

Это тем более важно, так как этот вывод о применении новейших средств гражданской обороны выносится диссертантом на защиту (положение третье, С. 68).

Для вывода о позитивных результатах мер против угрозы воздушного нападения в городах Одесского ВО диссертанту также не хватает аргументации.

В **третьей главе «Деятельность органов государственной власти по организации противохимической защиты»** диссертант констатирует, что химическое оружие против русских войск было впервые применено противником в январе 1915 г. Это послужило поводом для разработок в нашей стране своего химического оружия и формированию армейских химических команд для проведения газовых атак. Весной 1916 г. при Главном артиллерийском управлении (ГАУ) был создан Химический комитет для координации всех усилий по разработке и производству химического оружия под руководством генерал-майора В.Н. Ипатьева (С. 189, 193, 194).

Исследователем отражено, что защита от химического оружия осуществлялась двумя способами: обеспечением средствами индивидуальной защиты органов дыхания и проведением соответствующих инженерных мероприятий по нейтрализации химического нападения (С. 205). В работе без ссылки на источник отмечается, что «общее количество пострадавших от использования химического оружия, составило порядка 1,3 млн человек» (С. 207). Здесь можно отметить, что в отечественной историографии имеются данные не только об общем числе солдат, подвергшихся различным формам химического поражения (1,2 млн чел.), но и о 91 тыс. чел., погибших по этой причине, а также о более 0,5 млн чел., ставших инвалидами (Мировые войны XX века. Т. 1. М.: Наука, 2002, с. 636).

Несмотря на то, что боевые отравляющие вещества использовались в основном против армейских подразделений, имела место высокая вероятность гибели гражданского населения, отмечает автор. К тому же, добавляет он, существовала непосредственная угроза химического нападения на тыловые города и объекты, поэтому необходимость создания средств противохимической защиты и проведения мероприятий по предотвращению гибели гражданского населения от удушливых газов стала **первостепенной задачей** (здесь и далее выделено мной. – И.Б.) (С. 233). Корпоративная деятельность научных, общественных организаций, частных компаний и лиц, а также промышленных объединений, делает вывод автор, позволила **в достаточно короткие сроки** обеспечить производство и бесперебойные поставки средств защиты, обнаружить и **распространить среди участников военных действий и гражданского населения** максимально эффективные на тот момент средства противохимической защиты С. 232–233). Вместе с тем, диссертант выносит

на защиту (четвёртое положение, выносимое на защиту, С. 69) вопрос о недостаточной координации в работе властных, военных, общественных и частных структур по организации противохимической защиты, что привело к учреждению Химического комитета при ГАУ, призванного централизовать усилия по формированию системы противохимической обороны. Хотелось бы получить разъяснение диссертанта, как отразилась эта централизация на организации противохимической защиты, что конкретно было предпринято Химическим комитетом в этом направлении? Можно ли считать, например, поступление противогаса Зелинского на вооружение русской армии в конце 1916 г. своевременным и были ли другие результаты?

В четвёртой главе «Организация органами государственной власти Российской империи эвакуационных мероприятий», занимающей 75 страниц (С. 236–311) и состоящей из двух параграфов, освещается процесс эвакуации из западных губерний промышленных объектов, имеющих важное значение для возможности успешного ведения войны Россией, а также эвакуация гражданского населения.

В параграфе 4.1. диссертантом отмечается, что в январе 1915 г. в администрации Варшавы прорабатывался вопрос о переносе во внутренние губернии ряда фабрик, а также, что 4 июля 1915 г. в связи с явной угрозой захвата города варшавский генерал-губернатор приказал в трёхдневный срок эвакуировать из города заводы, имеющие наиболее важное значение для нужд обороны. При невозможности эвакуации их следовало уничтожить (С. 239). Причём владельцам промышленных предприятий было предложено финансирование при перевозке в Москву, Петроград, Курск, Харьков, Александровск и Севастополь, констатирует автор (С. 240), и Совет министров выделил кредит на эти цели в размере 50 млн руб. В июле–августе 1915 г. эвакуация промышленности началась повсеместно во всей прифронтовой зоне (С. 241).

Далее автор переходит к Рижскому региону, где, как он отмечает, проблема эвакуации промышленности была обозначена в апреле 1915 г. (С. 242). К концу мая 1915 г. положение Риги признали угрожающим, и с 28 мая до 9 июня администрация ряда заводов приступила к эвакуации самостоятельно. Порядок эвакуации промышленности из Риги был определён 8 июня военными по решению Совмина: сначала готовые изделия, имеющие оборонное значение и сами заводы; станки и оборудование; материалы и сырьё. В последнюю очередь – менее значимое оборудование (С. 243). Диссертант приводит данные о том, что крупные заводы грузились на подвижной состав на своей территории, а мелкие фабрики и мастерские получали отдельные вагоны с целью избежать путаницы в перевозке (С. 245).

Диссертант справедливо полагает, что «начавшаяся почти одновременно эвакуация промышленности из всех районов ведения боевых действий стала одной из причин, парализовавших работу железных дорог» (С. 260). Вывезенные предприятия должны были запустить своё производство менее, чем за 1 год после своей эвакуации (до 1 октября 1916 г.), чтобы получить безвозмездные ссуды при изготовлении для армии боевого и материального снаряжения (С. 267).

А.О. Багдасарян приводит данные о том, что через несколько месяцев после эвакуации заводов, в марте 1916 г., эвакуационно-реквизиционный отдел располагал сведениями о 443 эвакуированных предприятиях, из них 70 работали, 112 были еще в процессе восстановления. «О состоянии остальных заводов ничего не было известно» (С. 268). Тогда какими же сведениями располагал отдел?

К недостаткам эвакуации предприятий автор отнес, в том числе, и то, что предприятия направлялись в регионы, не обеспеченные топливом (С. 268–269). Здесь следует отметить, что дефицит топлива и металла был общероссийским явлением.

Пример, приведённый автором, по восстановлению эвакуированных предприятий в Московском промышленном районе, показал, что из 17 заводов, только 4 не смогли заключить восстановительные работы в назначенный срок (С. 269). Иногда имущество и оборудование эвакуированных заводов передавалось другим заводам (С. 270). Рабочие эвакуируемых предприятий получали бесплатный проезд для всей семьи, подъёмные и пособие (С. 273).

Диссертант приходит к заключению, что захват жизненно важных объектов экономики входил в планы противника, а эвакуация промышленности проводилась российским военным командованием в критической обстановке на фронте без общего плана и руководства (С. 274). Заметим, что военные и были руководством на территориях, отнесенных к театру военных действий, эвакуация осуществлялась не без помощи представителей государственной и местной власти.

Автор считает, что эффективность эвакуационных мероприятий могла быть высокой только при условии придания этим мероприятиям *статуса эвакуационной политики*. А без этого эвакуация «приняла хаотичный характер и сопровождалась тяжёлыми провалами» (С. 274). Такие резкие определения требуют объяснения, на наш взгляд. Ведь «хаос» – это полная путаница, отсутствие порядка, а «провал» – это полная неудача. «Создание чрезвычайного органа – ОСО и Эвакуационной комиссии при нём – изменило положение дел», продолжает вывод диссертант. Хотелось бы получить разъяснение, что он имеет в виду? Создание ОСО и Эвакокомиссии – это середина августа и начало октября 1915 г. соответственно, когда западные российские территории уже были заняты противником.

Согласно другому выводу исследователя (С. 275) эвакуация по масштабам, сжатости сроков, организации проведения стала уникальным военно-экономическим мероприятием в России. Получается, что эвакуация – это «уникальное» военно-экономическое мероприятие и одновременно полная путаница и полная неудача. Представляется, что необходима более чёткая позиция автора по этому вопросу.

Параграф 4.2. посвящён проблеме массовой эвакуации населения, которую, как отмечает автор, власти были вынуждены решать в тесном контакте с общественными силами. Диссертант выстраивает подробную (но не всегда верную) хронологию организации государственной властью эвакуационных мероприятий. Так, он пишет, что «в июне 1915 г. Верховное командование утвердило порядок выселения гражданских лиц, принятый Особым совещанием». Этот «порядок» касался некоторых территорий, на которых велись боевые действия. Выселенцам предлагался бесплатный проезд и компенсационная выплата (С. 282–283). Требуется пояснение диссертанта, о каком Особом совещании здесь идёт речь?

Далее исследователь отмечает, что во второй половине 1915 г. началось массовое бегство миллионов беженцев из прифронтовых районов. Оно было вызвано наступлением германских войск и недовольством населения политикой отселения (С. 283). Со своей стороны отметим, что массовому движению («бегству») беженцев предшествовало принятие решения 4 августа 1915 г. (здесь и далее – ст. ст.) об эвакуации беженцев вглубь России. Перед этим, 22 июля, наши войска оставили Варшаву. Хотелось бы прояснить, что конкретно имеет в виду автор, говоря о недовольстве населения политикой отселения? На самом деле известно, что население упорно и долго не хотело покидать прифронтовую полосу, затрудняя действия армии.

Автор излагает создание государственных структур и законодательной базы, определявших принципы организации эвакуации населения и обеспечения нужд беженцев. Руководство передвижением и устройством беженцев в тыловых губерниях возлагалось на Главноуполномоченных по устройству беженцев внутри империи, институт которых был создан сентябре-октябре 1915 г. (С. 289, 298).

Многими губернскими местными должностными лицами, констатирует автор, отмечалось что беженцы дестабилизировали социальную обстановку во внутренних губерниях, отказывались работать, тунеядствовали (С. 303). Однако примеров, подтверждающих тунеядство и отказов работать автор, к сожалению, не привёл. Диссертант приводит жалобу крестьян на грабежи со стороны проезжающих беженцев в августе 1915 г. (С. 303), однако отметим, что данные факты, наблюдавшиеся в самый разгар беженского движения, были вызваны чаще всего дефицитом фуража в специально организованных пунктах по ходу беженского движения вглубь империи.

Исследователь делает вывод, что вывоз населения находился в ведении Министерства внутренних дел, при котором было образовано Особое совещание по устройству беженцев (С. 311). Здесь надо отметить, что ещё до учреждения Особого совещания был образован институт Главноуполномоченных по устройству беженцев при Северо-Западном и Юго-Западном фронтах (июнь 1915 г.). К 30 июля 1915 г. был подготовлен проект Закона об обеспечении нужд беженцев, император утвердил его (30 августа 1915 г.) и прилагаемое к нему Положение с аналогичным названием. Этим законом и учреждалось Особое совещание по устройству беженцев, а главное руководство и распоряжение соответствующими кредитами возлагалось на министра внутренних дел.

Глава пятая «Деятельность российских органов власти по организации мероприятий гражданской обороны в условиях трансформации системы государственного устройства России (1917–1918 гг.)» посвящена рассмотрению мероприятий по созданию гражданской обороны на завершающем этапе участия России в Первой мировой войне.

В параграфе 5.1. автор делает принципиально важный вывод о том, что в 1917 г., несмотря на преобразования в системе государственного управления, непосредственное решение задач по защите населения от воздушного нападения продолжало находиться в руках местных гражданских властей в лице комиссаров под руководством органов военного командования, а основными способами пассивной защиты населения продолжали оставаться всё те же оповещение и светомаскировка.

Диссертант довольно много внимания уделяет процессу организации воздушной обороны Петрограда в 1917 г. (С. 319–325) и в итоге отмечает, что «практически приступить к выполнению мероприятий по защите населения Петрограда так и не представилось возможности, так как за весь период боевых действий прецедента бомбардировки города не возникло» (С. 325). Правда, автор отмечает, что в ходе наступления в феврале 1918 г. германская армия активно использовала авиацию, так, с 20 февраля по 3 марта 1918 г. немецкие самолёты ежедневно появлялись на высотах от 1000 до 3000 метров в районе Петрограда, пытаясь прорваться к городу (С. 331–332).

Говоря о развитии противохимической защиты, А.О. Багдасарян отмечает, что к марту 1918 г. Первым корпусом РККА были определены основные мероприятия по защите населения от действий авиации противника и химического оружия (С. 336), а с 3 марта Комитет военно-технической помощи совместно с Химическим комитетом организовал снабжение граждан, Домовых комитетов и других организаций

литературой по противогазовой защите, масками и противогазовой жидкостью (С. 349).

Автор приходит к выводу, с которым можно согласиться, что «деятельность советских органов власти по защите населения являлись адекватной мерой на вооружённые действия германской армии, в том числе на подготовку воздушного нападения на Петроград» (С. 355).

Говоря в **параграфе 5.2.** о реорганизации прежних беженских учреждений (сразу после прихода к власти большевиков), автор считает, что «практической отдачи эти политические акции не дали» (С. 357). Однако, следует заметить, что создание выборным путём Всероссийского союза беженцев, региональных и местных советов беженцев заполнили вакуум, образовавшийся после ликвидации существовавших прежде структур, занимавшихся беженскими проблемами. До середины лета 1918 г., когда на местах были созданы органы Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, эти беженские организации (советы беженцев) продолжали заниматься, в том числе, бесплатной эвакуацией беженцев в хлебопроизводящие районы страны.

Автор приводит слова очевидца событий и крупного военного специалиста о том, что советские органы не были готовы к эвакуации Петрограда. Учреждённая Центральная коллегия по разгрузке Петрограда не могла обеспечить необходимого количества подвижного состава. Это привело к тому, что в период с 1 по 30 марта произошла полная приостановка на 3 недели вывоза имущества (С. 369). Диссертант приводит данные из работы А.А. Мелия (правда, без ссылки на него), что из 126 запланированных предприятий полностью или частично вывезли 75 (С. 369). В первую очередь была эвакуирована в Пензу часть оборудования и 1,4 тыс. работников Экспедиции заготовления государственных бумаг (С. 367). Эвакуацию населения по тем данным, которые приведены в диссертации, можно прямо назвать существовавшей исключительно в планах большевистского руководства: для вывоза женщин и детей «предназначались» поезда, детей безработных и красноармейцев «планировалось» отправить в Уфимскую губернию, но автор почему-то трактует эти намерения как «проведение» эвакуации населения (С. 368).

Диссертант приводит письмо от 1925 г. Управления военной промышленности к председателю РВС М.В. Фрунзе об эвакуации оборонных предприятий Петрограда и делает вывод, что «данное письмо свидетельствует о том, что опыт, полученный советскими органами власти по проведению эвакуационных мероприятий в годы Первой мировой войны, анализировался и учитывался при организации эвакуационных мероприятий на случай возникновения войны» (С. 370). Следует отметить, что в письме Управления военной промышленности к Фрунзе речь идет об эвакуации петроградских военных заводов в 1918 г., «давшей дополнение к разрухе промышленности» (по меткому выражению А.А. Мелия). Со своей стороны отметим, что в 1925 г. Управление военной промышленности беспокоило, прежде всего, состояние военной промышленности, за которое оно отвечало. На начало 1927 г. восстановление мощностей военных заводов было в лучшем случае завершено наполовину к уровню 1916 г. (Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002, с. 381).

Вывод диссертанта о том, что «большевики умело разыграли «беженскую» карту, что вполне соответствовало <...> политике империи «положительной деятельности» (С. 370), требует, на наш взгляд, пояснения.

Ещё одним выводом автора стал вывод о том, что «сложная политическая и военная обстановка не позволила осуществить реализацию планов эвакуации в полном объёме» (С. 370). Здесь следует отметить, что советское руководство в

декабре 1917 г., как известно, заключило перемирие с немцами и объявило о демобилизации армии. В этой ситуации оно имело возможность скорейшего заключения мирного договора, что исключало необходимость заниматься таким сложным для него вопросом, как эвакуация.

Глава шестая «Российский и зарубежный опыт организации мероприятий по защите населения и объектов экономики в годы Первой мировой войны как фактор становления отечественной системы гражданской обороны» состоит из трёх параграфов. Сразу отметим, что их содержание находится за хронологическими рамками диссертационной работы, а параграфы 6.2. и 6.3. выходят также и за её территориальные рамки. В выводе по параграфу 6.1. автор констатирует, что органы, ответственные за эвакуацию населения, стали образовываться только в некоторых городах России к концу 1940 г., вопрос подготовки эвакуации промышленности практически не прорабатывался, т.е. опыт Первой мировой войны не учитывался, что сыграло отрицательную роль на начальном этапе Великой Отечественной войны (С. 384).

В заключении (С. 432–440) автор последовательно формулирует свои основные выводы. Отметим, что лишено смысла первое предложение второго абзаца на с. 433, очевидно, часть текста в нём пропущена.

Одним из выводов диссертанта стал вывод о том, что эвакуация населения и промышленности из прифронтовых районов проводилась в 2 этапа, что свидетельствовало о слабой готовности империи к системным действиям в организации гражданской обороны. На 1 этапе (конец 1914–начало 1915 г.) эвакуация охватывала только государственные учреждения, служащих и членов их семей; на 2 этапе (вторая половина 1915 г.) – государственный аппарат оказался неспособным решать поставленные войной задачи, включая и проведение эвакуационных мероприятий (С. 436, 284). Со своей стороны отметим, что 2 этап пришёлся на второе полугодие 1915 г., когда количество беженцев возросло до колоссальных размеров, т.е. чрезвычайно возросло, поэтому логично, что в августе 1915 г. были созданы чрезвычайные координационные органы в лице Особых совещаний. Итоги же 2 этапа эвакуации населения были впечатляющими. Однако диссертант не приводит в работе итогов этой эвакуации: переселения, размещения на новых местах, обеспечения работой до конца 1915 г. нескольких миллионов человек.

Позитивные изменения в сфере эвакуационных мероприятий автор находит только тогда, когда «большевики, взяв власть, особое внимание уделили проблеме беженства...» (С. 438). Хотелось бы получить разъяснение диссертанта, в чём он усматривает это «особое внимание»? Ведь на деле советская власть для начала сразу же лишила беженцев продовольственных пайков и при этом запретила переезд в хлебопроизводящие губернии.

Конечно, недостатки, изложенные выше, сказываются на качестве представленного труда. Но всё же критические соображения и замечания не отменяют в целом положительного отношения к выполненной соискателем работе, которая является квалификационным самостоятельным исследованием и вносит свой определённый вклад в историографию таких тем, как история организации системы гражданской обороны, история Первой мировой войны.

Содержание автореферата соответствует положениям диссертации, которые отражены в публикациях автора, в том числе монографии и 21 статьи, опубликованных в рецензируемых изданиях ВАК, прошли апробацию на научных конференциях различного уровня – международных и всероссийских.

Таким образом, представленная к защите диссертация А.О. Багдасаряна «Государственные проекты и практики организации системы гражданской обороны России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» соответствует требованиям, изложенным в пп. 9–14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изм. от 26 мая 2020 г.), а её автор – Артем Олегович Багдасарян, заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Даю согласие на включение моих персональных данных в личное дело соискателя А.О. Багдасаряна.

Официальный оппонент

Доктор исторических наук, профессор
кафедры истории Института истории и права
ФГБОУ ВО «Калужский
государственный университет
им. К.Э. Циолковского».
Доктор исторических наук
по специальности 07.00.02 –
Отечественная история;
ученое звание – доцент

Ирина Борисовна Белова

«*24*» мая 2021 г.

Личную подпись докт. ист. наук, профессора кафедры истории КГУ
им. К.Э. Циолковского И.Б. Беловой удостоверяю

Ректор КГУ им. К.Э. Циолковского

М.А. Казак

«*25*» мая 2021 г.

Сведения об организации:

248023, г. Калуга, ул. Ст. Разина, ~~26~~,
ФГБОУ ВО «Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского»
Тел.: 8 (4842) 57-61-20
E-mail: rectorat@tksu.ru